

Анна Абаимова

Папа, куклу звали Джульеттой

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
А13

Абаимова А. Л.

Папа, куклу звали Джульеттой / А. Л. Абаимова —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 250 с.

ISBN 978-5-532-07180-3

Безуспешная погоня за красивой мечтой – порой это может быть очень страшно! Книга-шок! Книга, от которой заболит голова и случится бессонница... Почему человек вдруг становится жертвой – других людей, ситуаций? Кто придумывает сценарий судьбы? Одна из героинь оказывается в чрезвычайно запутанной жизненной ситуации – её, уже взрослую, родной отец согласен предать, польстившись на обещания недалёковидной авантюристки, готовой ради своих амбиций всё снести на своём пути. Откровенная история о мечтах, любви и предательстве. Все персонажи вымышленные, однако в основе сюжета – реальные события.

Мечты сбываются. У каждого по-своему. Однако никто никогда не остаётся полностью обделённым. Также наверно никто не бывает на все сто довольным их исполнению.

– Ты правда так думаешь? – спросил мужской голос, и я вздрогнула.

Я ведь не произносила ни единого слова вслух. Просто думала. Неужели он умеет читать мысли?

– А разве это неправильно? – спрашиваю я.

Эд молчит, наверняка размышляет.

Когда мы познакомились, он попросил называть его Эдуардом, или как угодно, только не Эдиком, потому что, как тонкий ценитель поэзии, он давно знает, с чем это рифмуется. Называть его Эд проще, чем Эдуард, да и по ситуации вполне уместно.

– О чём ты мечтаешь? – спрашиваю его.

– Зачем мечтать? У меня всё есть, – отвечает он.

– Я тоже хочу, чтобы у меня всё было, – говорю я.

– Полно вас таких, – смеётся он.

– Посоветуй что-нибудь, ты умный, – прошу я.

– Никакой я не умный, – возражает он. – Это только так кажется. А советы всем только дурачки всякие раздают.

И дальше он охотно рассказывает свежий анекдот. Вот и поговорили.

Мы познакомились недавно, а кажется, будто сто лет знакомы. Просто всю жизнь мы каким-то удивительным образом сосуществовали бок-о-бок. С детства я жила по соседству с его рестораном, своего рода бандитским гнездом и каким-то особенным образом, своим шестым чувством распознавала всегда его присутствие, его энергию. Впоследствии, когда он продал ресторан и гнездо опустело, этой силы больше не ощущалось. Но пока он был прямо-таки местный дон.

– Ты похожа на своего отца, – говорит он и я обижаюсь.

Но разумеется – не подаю виду. Многие люди до этого всегда мне говорили, как это некрасиво – плохо отзываться о родителях, и что в таком случае только меня и осудят. Поэтому я молчу. Жду, что он скажет дальше. Хотя Эд чрезвычайно наблюдательный, увидел, как

изменилось у меня настроение и замолчал, видимо догадался – что-то тут не так.

– Я имею ввиду, ты внешне похожа, – поправляет себя он.

Однако я любопытная, мне хочется узнать всю эту таинственную историю – что скрывал всегда от нас мой отец и какой он на самом деле.

– У вас были общие дела? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Эд и теперь начинает цедить слова, я уже знаю эту его манеру и понимаю, что эта тема ему возможно неприятна и говорить он не хочет совсем. Но я хочу!

– Чем вы занимались вместе? – спрашиваю настойчиво.

– Металлом, – отвечает Эд и, вздохнув, отворачивается к телевизору.

– Вот не знала, это же очень выгодно! – восклицаю я.

Предполагаю, что скорее всего это было когда-то давно, в годы моей юности. Эд старше меня на десять лет – в те годы он как раз только начинал входить в коммерческий поток. Но мы тогда всё время сидели без денег, можно даже сказать – часто нечего было есть. А папа оказывается хорошо зарабатывал, но не хотел помогать нам.

– Вы были на равных? – спрашиваю осторожно я.

Эд долго хмурится, а потом сквозь зубы говорит.

– Нет, твой папа был шестёркой.

У меня начинает кружиться голова – прямо какое-то наваждение. Будто я взгромоздилась на карусель, хочу слезть с неё, но она не останавливается. Тогда на этой карусели, как на машине времени, я переносусь в прошлое. Ещё как будто выбираю, куда лучше заглянуть – совсем в детство или куда-нибудь в подростковые годы...

Глава 1

Всегда папа жил с нами под одной крыше, но никогда я не ощущала от него никакого особенного душевного тепла. В детстве он привозил мне ириски, когда ездил в командировки. И ещё приносил из леса грибы – вообще был таким заядлым грибником. Он и меня научил разбираться в грибах. А может это я сама научилась, рассматривая всегда грибы в его корзине.

– Папа, какой это гриб? – вдруг закричал пронзительный детский голосок.

И я даже не пойму, мальчик кричит или девочка. Но однозначно – голос это не мой. Кто же ещё так уверенно называет моего отца папой? Ведь я знаю наверняка, что я у него единственная дочь. И вот он отвечает этому ребёнку. Голос своего папы я узнаю с трудом – так мягко и ласково со мной он вообще никогда не разговаривал. А тут говорит:

– Это рыжик...

Я жду, что он скажет ещё дальше. Голос обрывается, но мне кажется, вот-вот он позовёт ребёнка по имени, или добавит что-нибудь ребяческое, типа моя крошка, моя дочка или подобное. Однако он не говорит больше ничего. Я озираюсь по сторонам, ищу его где-нибудь поблизости. И тут вдруг взглядом встречаюсь с его любовницей.

Хотя эта особа только по слухам его любовница, потому как разве могут быть такие вот отношения, когда мужчине уже 70 лет. А моему папе уже именно столько, так что возможно они просто дружат, хотя эту просто подругу он называет самым близким другом и главным человеком на свете. Лариса, так её зовут, моя ровесница...

Давным-давно она выучилась на актрису, но судьба актёрская не сложилась. Теперь она преподаёт детям в доме культуры, а мой папа работает там монтажником сцены. И всячески Ларисе помогает. Участвует вот даже в её сценках. Хотя как-то на своей машине времени я не слишком далеко переместилась. Прикрываю глаза и вспоминаю дальше.

...Вот мы идём по лесу.

Я – совсем маленькая девочка. Папа срезает грибы один за другим, а я не нахожу ничего.

– Поосторожней с ножом, – кричит моя мама моему папе. – Убери нож в карман, видишь, ребёнок возле тебя бегает, заиграется, нарвётся...

Он делает вид, что заботливо убирает свой складной нож. Но срезав следующий гриб, опять ходит с вытянутой рукой, будто даже угрожающе всё время направляя его в мою сторону. Тогда мама моя предостерегающе кричит мне. Но я, как и все дети, ничего не боюсь. Радостная, бегаю за папой и наблюдаю, как он находит грибы. В то же время какой-то крошечной частью своего детского сознания понимаю – папе на меня наплевать. И на мою маму тоже наплевать.

Вроде он живёт с нами, но у него какая-то совсем другая, обособленная от нас жизнь. И наш быт, как и моё будущее, его совсем никак не заботят, и всегда, что бы мы его ни попросили сделать для нас, он этого не делает – отказывается, надменно повторяя, что на его век хватит. А я ещё не знаю, сколько это – век. И думаю, что наверняка столько же, сколько живёт, к примеру, Кощей Бессмертный. В общем – долго.

– Смотрите, я тоже гриб нашла! – кричу я своим родителям и склоняюсь над находкой с намерением сорвать.

– Это поганка, – говорит мама. – Не трогай ручками.

– Но он такой красивый, – огорчаюсь я.

– От этого гриба на стенку полезешь, – всё так же надменно бросает папа и проходит мимо.

Тогда я задумываюсь, пытаюсь представить, как это – лезть на стенку. Воображение работает хорошо, поэтому картина получается смешная, и я не тороплюсь оставить заветный гриб.

– Пойдём, – уводит меня мама. – Чувствуешь, как пахнут берёзы?

Но я не понимаю, о чём она говорит. Я очень люблю берёзовый сок, но он не пахнет...

Как раз в ту весну после долгого скандала мама заставила папу уделить мне немного времени, и мы пошли в лес. Я сорвала пожелтевшую с прошлой осени соломинку, а папа сделал в берёзовой коре

отверстие. Минуту за минутой я терпеливо ждала, когда на кончике соломинки появится маленькая капелька, и сразу слизывала её. Больше с того времени папа не смотрел даже в мою сторону, а если иногда поглядывал, то в основном недовольно — я либо мешала ему отдыхать после работы, либо мешала, когда он в одиночестве располагался на кухне, потому что всегда любил есть один.

...Грибы в тот год пошли как-то особенно рано, и я ждала, когда из леса он принесёт ещё землянику. Он в самом часто ходил в лес, приносил много ягод, а нам не давал...

— А какая на вкус морошка? — слышу я откуда-то неожиданный вопрос.

Вздрагиваю и возвращаюсь из этого странного путешествия во времени.

— Вкусная, — отвечаю машинально, потому что это в самом деле так.

Понимаю, что спрашивает меня об этом уже Лариса.

— Тебе папа приносил? — продолжает она выпрашивать, видимо моего ответа ей мало.

— Приносил, — киваю я.

— И мне обещал принести, — признаётся она. — Сладкая ягода, да?

— Не очень.

— Кислая что ли?

— И не кислая.

— Тогда какая?

— Просто вкусная...

По-другому я не могу описать её бархатистый глубокий приятный вкус, похожий может быть на терпкость переспелой смородины, утратившей после ранних заморозок свою кислинку.

— В середине лета созревает, да? — уточняет ещё Лариса и добавляет, но будто уже себе самой. — Прямо к моему дню рождения принесёт. И грибов белых тоже обещал принести.

Потрясённая этим откровением, я мечусь, терзая свою мысленную машину времени, и теряюсь, не зная, куда лучше теперь переместиться — то ли в прошлое, то ли в будущее. Смутно догадываюсь, почему прямо с самого моего детства папа не приносил нам ни

грибов, ни ягод. Ведь он был заядлым грибником, весь пропахший лесом, и ягоды любил собирать. Но... Оп! Вот и остановка.

Моя машина времени рванула как-то чересчур резко, так что я даже не могу понять, где вообще теперь нахожусь. Но меня там точно нет. И вообще все люди незнакомые, да и улицы тоже, а дом и вовсе чужой. Бегают совсем крошечный мальчуган, а женщина рядом с ним, видимо его мать, сильно пьяная.

– Привет, – говорю я этому мальчугану.

Он пугается, удивлённо тарашится на меня. Видимо в самом деле я выгляжу, как прибывшая из другого измерения.

– Мне кажется, я тебя где-то видела, – говорю я малышу.

– Я твой папа, – говорит он и смеётся.

Тогда я вздрагиваю, потому что узнаю в точности этот смех. Но как такое возможно и каким образом в сознании своём я переместилась в те далёкие времена, когда меня ещё не было?..

Хватаю его за руку, но он вырывается, убегает. Я бегу за ним.

Коридор длинный, тёмный и как будто бы даже грязный. Я спотыкаюсь обо что-то и это что-то с грохотом катится впереди меня. Догадываюсь – это большая железная банка видимо из-под солёных огурцов. Боязливо пытаюсь её поднять, нащупываю ручку из проволоки.

– Давай я поставлю её у туалета, – деловито говорит мальчик и дальше идёт на кухню.

– Не надо меня угощать, – из вежливости шепчу я.

– У меня есть только бутерброды с маргарином, будешь? – спрашивает он.

И тут мы оказываемся в кухне.

Я теряюсь, потому что она огромная и там много разных людей, которых я, разумеется, не знаю. Тогда я догадываюсь – это посторонние друг для друга люди, то есть квартира с подселением. Мальчик садится на свободное место за столом и тут же перестаёт меня замечать, точно так же, как мой папа не замечал меня никогда в детстве. На других людей он также не обращает внимания – просто мажет подтаявший, лежавший на столе маргарин на зачерствевший кусок хлеба и ест. Пытаюсь спросить его о чём-то ещё, но он не реаги-

рует... Вспоминаю его любимую поговорку: «когда я ем, я глух и ем».

– Не ем, а нем, – поправляет его всегда моя мама.

Но он молча всегда продолжает есть и на всё ему наплевать.

Дождалась теперь, когда он доел свой маргариновый бутерброд, но и после этого он больше со мной не разговаривает. Вообще не видит меня! А говорит будто бы сам с собой. Однако мне интересно, и я продолжаю наблюдать. Вокруг него много разных людей – вот их он как раз видит, посматривает так искоса, будто даже с опаской, наблюдает, что они едят и как будто прислушивается. Новый бутерброд не делает, однако сидит и не уходит. Теперь я рассматриваю кухню...

Замечаю здесь крайнюю нищету: крашенные когда-то неприятной жёлтой краской стены с проплешинами тут и там, потолок с большими тёмными пятнами, видимо появившимися когда-то от потопления, случившегося этажом выше. Люстры нет, вместо неё простая лампочка. Замечаю посуду, которой пользуются люди – вся она грубая и очень простая, какая была раньше в общественных столовых, а пол грязный, сильно затоптанный – понятно, что не мыли его здесь давным-давно.

Какой-то обросший мужчина со сковородой, из которой идёт пар, но пахнет не вкусно, направляется к своему столу и мимоходом, я даже не понимаю, то ли нарочно, то ли случайно, задевает сидящего мальчугана по голой спине. Тот орёт и вскакивает. Люди оглядываются, но никто его не жалеет, не подходит утешать, наоборот даже, быстро отворачиваются и продолжают заниматься своими делами.

Мальчик убегает. Тотчас на его место садится какой-то нагловатый подросток и вместе с жестоким или неловким мужчиной они начинают вилками торопливо есть прямо со сковороды.

Я бегу за мальчиком по коридору, боясь, что он ускользнёт от меня. Ещё боюсь, что снова запнусь о то же самое ведро, сделанное из жестяной банки. Но его уже нет – какая-то женщина выходит из туалета прямо перед моим носом и протягивает мне это самое ведро.

– На, воды нальёшь в ванной, у нас бочок не работает, – говорит она и я пячусь, совсем ничего не понимаю, потом сразу спохватываюсь, говорю:

– Мне не надо, – и дальше как под гипнозом смотрю на эту женщину.

Она стряхивает воду с зонтика.

– А зонтик вам зачем нужен был в туалете? – спрашиваю я с недоумением.

– Так я же говорю, бочок не работает, бежит, не мокнуть же, – ворчливо тараторит она.

– Почему не починит никто? – робко спрашиваю я.

– У нас тут жильцов – шестнадцать человек, никто себя крайним не считает. – Усмехается она и отворачивается.

Однако я отвлеклась этим разговором и мальчуган, за которым я бежала, уже скрылся от меня в комнате. Но дверь не заперта и я подсматриваю. Он плачет, но пьяная мать тоже не утешает его.

– Что там про нас говорят люди? – нараспев спрашивает она.

– Про нас – ничего, – размазывая сопли по лицу, сообщает ребёнок. – Говорят про новых жильцов не очень хорошие вещи.

Дальше он что-то сумбурно рассказывает. Мать как будто бы не особо вслушивается, но ухмыляется.

– А новые жильцы что собой представляют? – спрашивает в итоге.

– У них, – зачарованно говорит мальчуган, сразу перестав реветь. – Во-о-о-от такой мешок конфет, я даже рассмотрел название – «Красная шапочка».

Какое-то время он ещё держит ручонки растопыренными, изображая видимо размеры наполненного конфетами мешка.

– Это хорошие конфеты, вкусные, – задумчиво произносит женщина, будто бы заметно трезвея. – Пробовала такие... Давно только это было.

– Шоколадные?

– Ага, и там вафля внутри.

– Ва-фля? А что это такое?

– Не могу объяснить... Ты лучше попроси у них пару конфет.